

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

EDITH WHARTON

Summer

ЭДИТ УОРТОН

Лето

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 82-31
ББК 84(7Сое)6-44
У64

Перевод с английского Т. Адаменко

Уортон, Эдит

У64 Лето / Э. Уортон ; [пер. с англ. Т. Адаменко]. — М. : РИПОЛ классик. — 224 с. — (В поисках утраченного времени).

ISBN 978-5-519-64700-7

Эдит Уортон — знаменитая американская писательница, обладательница Пулицеровской премии, трижды номинантка на Нобелевскую премию по литературе, а также кавалер французского ордена Почетного легиона.

Ее имя широко известно читателям благодаря великолепным романам «Эпоха невинности», «Итан Фром», «В лучах мерцающей луны», «В доме веселья» и многим другим. «Эпоха невинности» была экранизирована Мартином Скорсезе, одним из лучших голливудских режиссеров, а главные роли исполнили трижды оscarоносный Дэниел Дэй-Льюис и блистательная Мишель Пфайффер.

«Лето» — одно из лучших произведений начала XX века. История девятнадцатилетней девушки Черити, несмотря на осуждение, отважившейся на любовную связь вне брака.

Роман публикуется на русском языке впервые.

УДК 82-31

ББК 84(7Сое)6-44

Школа перевода
В. Баканова

ISBN 978-5-519-64700-7

© Адаменко Т., перевод
на русский язык, 2017
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

Глава I

Из дома адвоката Ройалла в конце единственной улицы поселка Норт-Дормер вышла девушка и остановилась на крыльце.

Едва перевалило за полдень, и по-весеннему прозрачное июньское небо струило серебристый свет на крыши, деревенские пастбища и рощицы вдали. Легкий ветерок над холмами подгонял пухлые белые облачка, и их тени неторопливо плыли по полям и грунтовой дороге, что в черте Норт-Дормера обретала звание улицы. Поселок располагался на возвышенности и не мог похвастаться тенистыми уголками, обычными для уютных долин Новой Англии. На всем протяжении улицы от дома Ройалла до другого конца, где она поднималась к церкви и огибала кладбище, окруженное стеной из темных канадских сосен, тень на дорогу отбрасывали лишь декоративные ели у ворот мисс Хэтчерд и плакучие ивы возле утинового пруда.

Шаловливый июньский ветерок встряхнул траурную бахрому елей, сорвал соломенную шляпу с головы

какого-то прохожего и зашвырнул в пруд, на самую середину. Пока хозяин шляпы выуживал ее из воды, девушка на крыльце успела заметить, что он не из местных, одет по городской моде и от души хохочет над своим злоключением, как и полагается молодым и беззаботным.

Отступив с крыльца назад в прихожую, девушка притворилась, что ищет ключ, который давно оттягивал ей карман. Она бросила придирчивый взгляд в узкое позеленевшее зеркало, увенчанное золоченым орлом, и в тысячный раз пожелала иметь такие же ясные голубые глаза, как у Аннабель Балч, которая время от времени приезжала на недельку из Спрингфилда навестить старую мисс Хэтчерд. Поправила поля шляпки, обрамляющие маленькое смуглое лицо, и снова шагнула на солнечный свет.

— Как я все это ненавижу! — пробормотала она.

Ворота Хэтчердов уже закрылись за незнакомцем, и улица опять была только в ее распоряжении. Норт-Дормер никогда не бывал многолюдным, а в три часа пополудни в июне трудоспособные мужчины работали на полях или в лесу, пока их жены тянули извечную лямку домашней рутины.

Девушка шла по улице, вращая на пальце ключ, и рассматривала знакомые окрестности с непривычным интересом, вызванным случайной встречей. Интересно, как выглядит Норт-Дормер в глазах приезжих? Сама она жила здесь с пяти лет и долгое время полагала, что для мира Норт-Дормер кое-что значит,

однако год назад новый священник епископальной церкви в Хэпберне, который два раза в месяц, если состояние дорог позволяло, приезжал вести службу в местной церкви, предложил в припадке миссионерского рвения свозить дормерскую молодежь в Неттлтон на лекцию о Святой земле. Десяток юношей и девушек — воплощенное будущее Норт-Дормера — набились в фермерский фургон, перебрались в нем через холмы в Хэпберн и погрузились в пригородный поезд до Неттлттона.

В тот невероятный день Черити Ройалл в первый и единственный раз в жизни проехала по железной дороге, полюбовалась застекленными витринами, отведала кокосового торта и послушала невразумительные пояснения лектора, не будь которых, картины бы ей даже понравились. То путешествие открыло Черити глаза на убогость Норт-Дормера и пробудило жажду знаний, которую она прежде никогда не испытывала, несмотря на должность хранителя местной библиотеки.

На месяц или два девушка погрузилась в лихорадочное и беспорядочное чтение пыльных томов из Мемориальной библиотеки Хэтчерда. Затем неттлтонские впечатления стали тускнеть, и оказалось легче признать Норт-Дормер вполне пристойным местечком, чем продолжать чтение.

Однако встреча с незнакомцем воскресила воспоминания о Неттлттоне, и Норт-Дормер сжался до своих подлинных размеров. Черити прошла взглядом по

улице от вылинявшего бурого дома Ройалла до белых стен церкви и безжалостно оценила увиденное. Глухое селение на холмах, продутое ветрами и прокаленное солнцем, вдали от железнодорожной станции, трамвая, телеграфа и всего, что связывает людей друг с другом в современном обществе. Ни магазинов, ни театров, ни лекционных залов, ни делового центра; только лишь церковь, где служат каждое второе воскресенье, если дорога позволяет, да библиотека с новинками двадцатилетней давности и старьем, тихо гниющим на волглых полках. Тем не менее Черити Ройалл вечно твердили, что она должна расценивать свою жизнь в поселке как милость судьбы и по сравнению с местом, откуда она родом, Норт-Дормер — подлинный светоч цивилизации. Даже мисс Хэтчерд сказала ей однажды в трудную минуту: «Дитя мое, не забывай, что именно мистер Роайлл принес тебя с Горы и принял в свой дом».

Она была «той, кого принесли с Горы» — покрытого трещинами и расщелинами утеса, что мрачно возвышался над меньшими собратьями в массиве Орлиного хребта, подавляя равнину своим вечным присутствием на горизонте. До Горы было добрых пятнадцать миль, но она так внезапно выросла среди пологих холмов, что, казалось, ее тень почти достигает поселка.словно огромный магнит притягивала она облака. Даже в самый ясный летний день, если над Норт-Дормером тянулся легкий парок от земли, его несло к Горе, словно корабль в водоворот, и там, застряв в ска-

лах, он дробился и умножался, чтобы вернуться в долину темной грохочущей тучей.

У Черити не было ясного представления о Горе, но, конечно, она знала, что это плохое место, быть оттуда родом — позор. Что бы ни уготовил ей Норт-Дормер, Черити должна — как однажды напонила ей мисс Хэтчерд — смиренно и благодарно держать язык за зубами. Девушка в раздумьях взглянула на Гору и попыталась ощутить благодарность и смирение, но незнакомец, который пришел к мисс Хэтчерд, вновь вызвал перед внутренним взором роскошь и блеск улиц Неттлтона, и ей стало стыдно за свою старую соломенную шляпку и тошно от норт-дормерской скуки. Черити с завистью вспомнила про Аннабель Балч из Спрингфилда, которая сейчас где-то далеко взирает голубыми глазами на красоты еще чудеснее неттлтонских...

— Как я все это ненавижу! — в сердцах повторила она.

На середине улицы она остановилась у покосившихся ворот, толкнула створку и пошла по мощеной дорожке к странному маленькому подобию античного храма из кирпича с белеными деревянными колоннами. Тусклые золотые буквы на фронте гласили: «Мемориальная библиотека Гонория Хэтчерда, 1832».

Гонорий Хэтчерд был внучатым дядей мисс Хэтчерд, хотя та, разумеется, выразилась бы иначе, подчеркнув — как свою единственную претензию на исключительность, — что она внучатая племянница Го-

нория Хэтчерда. В начале девятнадцатого века он снискал скромную писательскую известность, и редкие посетители библиотеки могли прочесть на мраморной мемориальной доске про его незаурядный талант, цикл рассказов «Затворник Орлиного хребта», близкое знакомство с Фитц-Грином Халлеком¹ и Вашингтоном Ирвингом и смерть во цвете лет от лихорадки, подхваченной в Италии.

Гонорий Хэтчерд также служил единственной связующей нитью между Норт-Дормером и литературой, и мемориальная библиотека, в которой Черити работала каждый вторник и четверг после полудня, увековечила этот факт самым должным образом. Потемневшая гравюра с портретом автора висела над ее рабочим столом, и каждый вторник и четверг девушка задавалась вопросом, кто имеет больше прав чувствовать себя мертвецом: Гонорий в своей могиле или она в его сыром мемориале.

¹ Фитц-Грин Халлек (1790–1869 г.) — американский поэт, прославившийся благодаря сатире на нью-йоркское общество, широко известный и читаемый в середине XIX века, однако позже почти забытый. Член литературной группы «Никербокер», лидерами которой были Вашингтон Ирвинг, Уильям Каллен Брайант и Джеймс Фенимор Купер. Личный секретарь и советник богача и филантропа Джона Джейкоба Астора, который назначил его одним из попечителей «Библиотеки Астора», в нынешнее время — Нью-Йоркская публичная библиотека. Имел репутацию весьма остроумного и обаятельного человека. В Центральном парке Нью-Йорка есть статуя Фитц-Грина Халлека работы Джеймса Макдональда (здесь и далее – примечания переводчика).